М.А. Родионов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ХАДРАМАУТА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР РИХЛА[1]

Историческая память — механизм коллективного отбора, оценки, редактуры и передачи текстов, складывающихся в субъективную, но весьма устойчивую картину *культурного прошлого*, конструктивной составляющей этнической культуры [Ассман 2004: 29–50; Rodionov 2007: 45–53]. Иными словами, историческая, или культурная, память есть та самая традиция, которая, по классическому определению, хранит и освящает комплекс обычаев и жизненный уклад этноса, отличая его «от таковых других групп» [Широкогоров 1923: 13].

Работы, посвященные исторической коллективной памяти, выходящие одна за другой с 1990-х годов, сформировали особое научное направление, Collective Memory Studies, со своим кругом тем, подходами, терминологией, сторонниками и оппонентами. Некоторые критики упрекают исследователей коллективной памяти в неоправданной склонности к «психоневрологической терминологии», порождающей ложные метафоры, и в недостаточном внимании к социальной динамике, влияющей на объект исследования [Kansteiner 2002: 180–190].

Для нашей темы важны не подробности дискуссии, а то, что при формировании культурного прошлого используются разные сочетания устных и письменных кодов традиции. В Южной Аравии они связаны с тремя областями соционормативной культуры — обычным правом, декларируемыми генеалогиями и поэзией на разговорном языке [Родионов 2006 б: 200–201; он же 2008: 145–152; он же 2009: 44–66].

Как и в других этнических культурах мира, обычное право в изучаемом пространстве может бытовать устно, однако здесь на протяжении многих столетий существуют и письменные своды, и документы различного типа, использующие положения обычного права и шариата [Родионов 2010 б: 111–116; Rodionov, Schoenig 2011: 53–270]. Актуальность подобных документов, не признававшихся социалистическими властями НДРЙ, резко выросла после объединения Йемена в 1991 г.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Южноаравийская поэзия хумайни и историческая память Хадрамаута», № 11-04-00034а.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

и подавления сепаратистских тенденций Юга в 1994 г. Схему соотношения корневых принципов шариата, ветвей права и конкретных казусов обычно представляют в виде правового древа.

Образ древа применяется и для родословных схем. Генеалогию «помнят» (отсыл к устной традиции) и «сохраняют» в виде родословного древа с корнями, ветвями и кроной. Для легитимации декларируемые генеалогии нуждаются в постоянном «укреплении», т.е. в письменных свидетельствах [Ho 2006: 97–191]. Без кодификации генеалогия «неустойчива», что отражено и в терминологии традиционной социальной иерархии, на вершине которой — *сада* (ед. ч. *саййид*: потомки Пророка Мухаммада), ниже находятся *машайих* (потомки религиозных авторитетов), *кабили* (люди племен), ремесленники, крестьяне, слуги, рабы. Чем выше стратовое положение, тем чаще могут высказываться сомнения в его легитимности, что, например, выражается в употреблении приставки *шибх*: *шибх-сада* (наподобие *сада*), *шибх-машайих* (наподобие *машайих*) или другой формы — *муташайих* (выдающие себя за шейхов). К воинственным *кабили* уничижительные формообразования не применяются, но зато некоторые группы из более низких социальных слоев постоянно претендуют на племенной статус [Rodionov 2006 б: 181–189].

В отличие от классической арабской поэзии, тесно связанной с письменной традицией, поэзия на разговорном языке, называемая в Хадрамауте *хумайни* (ḥumaynī), не утратила до наших дней свои устные истоки — импровизационность и диалогичность (вопросы и ответы, публичные диспуты и т.д.). Как в доисламские времена, поэтическое слово используется для обострения конфликта или для примирения сторон [Родионов 2007: 146–152, он же 2009: 32–66]. Издавна метафоры стихотворцев заимствовались правовой сферой, где превращались в термины, возвращавшиеся назад, в поэзию. Историческая память сохраняется в поэтических образцах, передаваемых изустно, в письменной или, за последние десятилетия, в магнитной записи. Нередко лаконичные строки лишь повод для обстоятельного прозаического комментария [Bin ʻAqīl 1998].

Рассмотренная триада может быть истолкована как телесное воплощение хода истории — в генеалогиях; типичные казусы, нарушающие и восстанавливающие социальное равновесие, — в обычном праве; отражение исторической памяти — в поэзии *хумайни*, рациональной и почти лишенной эпической окраски, а также в прозаических комментариях к стихотворным образцам.

Какое же отношение к исторической памяти Хадрамаута и к его культурному прошлому может иметь второстепенный жанр арабской

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

деловой прозы, относимый не к историческим произведениям, таким как летописи, анналы, истории (ta'rkīh), а к географическим? Действительно, путевой жанр *рихла* (riḥla — верблюжье седло) [Netton 2001: 528a] — это просто «дневные записи», отличающиеся от «дорожника» (masālik), описывающего тот или иной маршрут [Крачковский 1957: 303, 147–150]. Ставшие популярными в арабоязычном мире с XI в. произведения *рихли* дают подробности увиденного в пути, подчас утомительные для широкого читателя; в тексте нередки вкрапления рифмованной прозы, скрытые цитаты и т.д. [Там же: 307]. Все это справедливо и для тех четырех рассматриваемых ниже сочинений, чья характеристика должна дать ответ на поставленный в начале этого абзаца вопрос.

В центре каждой из книг — житель западного Хадрамаута, образованный выходец из высшей социальной страты потомков Пророка (*сада*), суннит-шафиит, так или иначе связанный с культурно-политическим движением хадрамаутского Возрождения-*Нахды* (al-Nahḍa). Герой первого из рассмотренных сочинений — саййид Ахмад б. Хасан б. ‘Абдаллах ал-‘Аттас (1840–1916) — застал начальный этап реформистского движения, в котором принял посильное участие, выступая на родине и за рубежом против социально-политической раздробленности Хадрамаута. Сведения о его жизни и трех путешествиях (в Египет, Мекку и хадрамаутскую долину Дау‘ан) собрал его сын ‘Али б. Ахмад ал-‘Аттас, наследственный мансаб (старейшина) *сада* города Хурайды, подаривший мне свою книгу, ставшую сегодня библиографической редкостью [al-‘Aṭṭās 1959].

Собственно *рихла* предваряется предисловием и биографией героя, написанной в духе жития-*тарджамы*. Читатель узнает, что саййид Ахмад «был по совокупности [своих достоинств] единственным в этой эпохе, несравненным в этом веке [по владению] письменной тростью, украсившим это время своим примером» [Там же: 3]. Темпоральная иерархия: отвлеченная эпоха — конкретный век — сиюминутное время (dahr — ‘aṣr — zamān) — не просто риторическое украшение, а свидетельство основательной учености семейства ал-‘Аттасов, их осведомленности в спорах о структуре пространственно-временного континуума между мусульманскими мистиками и *фаласифа* [Сагадеев 2009: 157, 185, 196; Родионов 2010 а: 50–54; он же 2011 а: 301–305]. Свидетельство это подкрепляется упоминанием о том, что саййид Ахмад изучал науки явные и сокровенные (ẓāhir wa-bāṭin); среди последних — таинства божии, Его пути (ṭarīqa) и поминания (dhikr), а среди проштудированных книг — труды ал-Газали [al-‘Aṭṭās 1959: 7, 47].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

В 1890 / 1307 г. саййид Ахмад с группой духовных учеников и соратников, записывавших подробности поездки, совершил путешествие в Египет на пути в Мекку, причем детали малого паломничества ‘умры занимают в книге гораздо меньше места, чем беседы с египетскими духовными лицами и учеными мужами из мусульманского университета ал-Азхар. Саййид Ахмад ответил на вопросы о своем образовании, о быте и нравах жителей Хадрамаута. На обеде, данном в его честь, он брал пищу по старому арабскому обычаю правой рукой, и восхищенные хозяева последовали его примеру, отбросив ложки. В Египте путешественники закупили множество книг [Там же: 50–51, 54]. Завершив ‘умру, они вернулись морским путем из Джидды через Аден в ал-Мукаллу, оказавшись во внутреннем Хадрамауте в конце 1890 г.

Следующая поездка началась в декабре 1907 г. Саййид Ахмад исполнил обряды хаджжа, посетил мечеть Пророка в Медине и возвратился в Хурайду в марте 1908 / 1325 г. [Там же: 59]. В том же 1908 г. он предпринял путешествие по родному Хадрамауту, в соседнюю долину Дау‘ан для посредничества между султанами ал-Ку‘айти и непокорными племенами нуввах [Там же: 130].

Книга начинается с генеалогической справки о происхождении героя и его учеников, деловое изложение расцвечено рифмованной прозой, участники *рихли* и те, кто встречаются на их пути, с легкостью слагают стихи или вспоминают подходящие случаю чужие строки, к тексту приложены разнообразные юридические документы. Генеалогия — поэзия — право: налицо все три кода соционормативной культуры, ответственных за формирование культурного прошлого.

Рихла свободно сочетается не только с житием-*тарджамой*, но и с корпусом стихотворений — *диваном*. «Рихла и диван» — так названа книга, где под одной обложкой собраны сведения о жизни и путешествиях, а также стихи на литературном и разговорном арабском (al-ḥakamī wa-l-ḥumaynī) Хасана б. ‘Абдаллаха б. ‘Абд ар-Рахмана ал-Кафа (1875–1927), подготовленные к печати его сыном ‘Умаром по прозвищу Хаддад (кузнец) [al-Kāf 2000].

Саййид Хасан — уроженец города Тарим в восточном Хадрамауте, отпрыск просвещенной и богатой семьи, сыгравшей решающую роль в первых социально-экономических реформах, которые проходили по инициативе британского представителя Гарольда Инграмса с одобрения султанов ал-Ку‘айти. Наш герой, известный как незаурядный поэт, автор панегириков, элегий, религиозных и лирических стихотворений, совершил путешествие в Египет, Палестину и Хиджаз, выехав из Тарима осенью 1911 г. и встретив новый 1331 год хиджры (11 декабря 1912 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

близ могилы прародительницы человечества Евы на пути домой [Там же: 57, 131–135].

Большое внимание биограф уделяет учителям саййида Хасана. Приведен список рукописей его библиотеки, путевых встреч, избранные письма. По каждому этапу маршрута дана заметка, нередко с любопытными подробностями. Описаны не только далекие города Аден, Суэц, Порт Саид, Каир, Яффа, Хайфа, Медина, Мекка, Джидда, но и каждый населенный пункт Хадрамаута, который оказался на пути [Там же: 57–137]. Затем *рихла* переходит в *диван* со стихами сайиида Хасана, прямо или косвенно отражающими его дорожные впечатления и раздумья. В этом сочинении упор сделан на стихотворную традицию и в меньшей степени на генеалогический материал.

Если уже в первых двух локальных образцах жанра *рихла* заметен интерес не только к чужим странам, но и к родному краю, то третья книга путешествий всецело посвящена Хадрамауту, а точнее — экскурсии из внутренних районов на побережье — к двум портам, аш-Шихру и ал-Мукалле [Bin Hāshim 1931]. Ее предприняли активисты движения новой хадрамаутской Нахды, члены Клуба объединенной молодежи, летом 1931 г., посвятив поездку главному реформисту страны саййиду ʻАбд ар-Рахману б. Шайху ал-Кафу, который назван в подписи под фотографией «вождем Родины и реформы» [Там же: 4].

Текст написал известный публицист саййид Мухаммад Бин Хашим на основе лекции, прочитанной им 27 декабря 1931 г. перед членами Клуба в Тариме. Проникнутая духом обновления, эта *рихла* совершена не на верблюжьем седле, а на современных автомобилях. Стремясь открыть для себя и соотечественников свой край и его богатую историю, попутчики вели список обнаруженных по дороге исторических памятников; встречаясь с населением, горячо призывали к прогрессу, благим переменам и реформам [Там же: 8–64]. Однако неизменная триада — правовые документы, поэзия, генеалогии — присутствует и в этом тексте.

Последняя из рассматриваемых книг данного жанра — самая поздняя по времени, более консервативна по форме и содержанию, чем предыдущая. Это *рихла* Джаʻфара б. ʻАлауи б. Мухаммада б. Ахмада ал-Михдара в Наджаф, ал-Куфу и Карбалу [al-Miḥḍār 1995]. Родившийся на острове Ява в 1918–1919 / 1337 г. прямой потомок имама Ахмада б. Мухаммада ал-Михдара и родственник знаменитого Хусайна ал-Михдара, вазира султанов ал-Куʻайти, саййид Джаʻфар бывал в разных странах Азии и Африки, но в названии упомянул только Ирак.

Путешествие началось 29 июня 1972 г. Промелькнули Аден Таиз, Сана, Ходейда, Джидда, Таиф, Мекка, Медина, ар-Рийад. Из Багдада

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

наш странник отправился на юг Ирака. Заглянув в Дамаск и Бейрут, он вернулся домой бейрутским самолетом. Такое внимание к стране Тигра и Евфрата вызвано тем, что родоначальник *сада* Хадрамаута Ахмад б. ‘Иса прибыл туда в X в. из Басры, за что получил прозвище ал-Мухаджир (совершивший хиджру). Саййид Джа‘фар специально проделал в XX в. путь на родину своего предка, чтобы ответить критикам-радикалам, отрицавшим происхождение южноаравийских *сада* от Пророка и находившим в их суннизме шиитскую подоплеку. В прозе и стихах саййид Джа‘фар пишет о причинах переселения ал-Мухаджира в Хадрамаут (С. 39–49), о чистоте суннизма *сада* (С. 50–61); укрепляя их родословие (С. 62–66), он настаивает на их происхождении от Хусайна б. ‘Али (С. 94–99). Книга увидела свет, когда на юге Йемена завершился переход от социалистической утопии к надежде на исламское возрождение [Bā Mu’min 2001: 401–420].

Историческая память Хадрамаута строит свой универсум с помощью устно/письменной традиции и трех рассмотренных кодов соционормативной культуры. В этом строительстве используются и классические жанры деловой арабской словесности, например, *рихла*. Как и в других культурах [Родионов 1994: 134–154; Кириллина 2010], механизмы исторической памяти помогают конструировать свое культурное пространство [Rodionov 2010: 341–345; Родионов 2011 б: 145–154] и осваивать чужое [Родионов 2006: 201–217].

В наши дни концепт культурного прошлого приобретает в Хадрамауте новые конфигурации. К старым механизмам производства былого добавляются новые, модернистские компоненты (цитаты, фотографии, таблицы и схемы из географических, археологических, исторических и этнографических исследований), как правило, для придания внешней убедительности традиционным стереотипам [Rodionov 2011: 333–338]. В любом случае, жители края сталкиваются сегодня с явным переизбытком культурного прошлого; в этом контексте особенно странно звучат слова американской исследовательницы, что она создавала свою монографию, дабы, по призыву Эрика Волфа, раскрыть историю народу без истории [Boxberger 2002: 241].

Библиография

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004 (Studia historica).

Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Академик И.Ю. Крачковский. Избр. соч. Т. IV / Ред. тома Г.В. Церетели. М.; Л., 1957. С. 1–919.

Родионов М.А. Запад и Восток в записках пешеходца Василия // Россия, Запад и Мусульманский Восток в Новое время. СПб., 1994. С. 134–154.

Родионов М.А. Россия глазами арабов // Котин И.Ю., Родионов М.А., Царева Е.Г. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2006 а. С. 201–219.

Родионов М.А. Южная Аравия: культурное прошлое в устно-письменной традиции // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы»: Тез. докл. К 150-летию Восточного факультета СПбГУ. СПб., 2006 б. С. 200–201.

Родионов М.А. Аравийская племенная поэзия: от диалога к многоголосию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2008. С. 145–152.

Родионов М.А. Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб., 2009 (Kunstkamera Petropolitana).

Родионов М.А. Арабское время, или человек на острове // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2010 а. С. 50–54.

Родионов М.А. Абд ал-Азиз Бин Акил — исследователь обычного права Хадрамаута (из истории российско-йеменских научных связей) // Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861), 2–3 ноября 2010 г.: Мат-лы конф. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2010 б. С. 111–116.

Родионов М.А. Откуда и куда течет арабское время? // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., 2011 а. С. 301–305.

Родионов М.А. Индия в поэзии йафиитов (Южная Аравия): Йахйа ‘Умар // Зографский сборник / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб., 2011 б. Вып. 2. С. 145–154.

Сагадеев А. В. Восточный перипатетизм. М., 2009 (Bibliotheca Islamica).

Широкогоров С.М. Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

al-‘Aṭṭās, ‘Alī b. Aḥmad. Tarjamat shaykh al-islām Aḥmad b. Ḥasan […] al-‘Aṭṭās wa yalayhā riḥlātuhu ’ilā Miṣr wa-Makka al-mukarrama wa-Daw‘an. [s.l.], 1379 /1959.

Bā Mu’min, Karāma Mubārak. Al-Fikr wa-l-mujtama‘ fī Ḥaḍramawt. [Al- Mukallā], 2001.

Bin ‘Aqil, Badr. Ash‘ār wa-aḥdāth. Ḥaḍramawt 913 — 1386 h. Al- Mukallā: mu’assasat al-thawra, 1998.

Bin Hāshim, Muḥammad. Riḥla ’ilā al-thagrayn al-Shiḥr wa-l-Mukallā. Al-Qāhira: Maṭba‘ Ḥijāzī , 1350[/1931].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН

Boxberger L. On the Edge of Empire. Hadhramawt, Emigration, and the Indian Ocean, 1880s — 1930s. Albany: State University of New York Press, 2002.

Ho Engseng. The Graves of Tarim. Genealogy and Mobility across the Indian Ocean. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2006 (The California World History Library).

al-Kāf, Ḥasan b. ʻAbdallāh b. ʻAbd al-Raḥmān. Riḥla wa-dīwān. Tarīm: Maktabat Tarīm al-ḥadītha, 1421/2000.

Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: a Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory 41, May 2002: 179–197 (Wesleyan University 2002).

al-Miḥḍār, Jaʻfar b. ʻAlawī. Al-Riḥla al- miḥḍārīyya ʼilā al-Najaf wa-l-Kūfa wa-l-bilād al-karbalāʼiyya [s. l.]. Dār al-Ḥāwī, 1415/1995.

Netton I.R. Riḥla // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2001. Vol. VII, 528a

Rodionov M. Social Restratification in Modern Hadramawt // Quaderni di Studi Arabi. Nuova Serie I. Roma 2006, p. 181–190.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983-91. Orientwissenschaftliche Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universitaet Halle-Wittenberg. Hft. 24. 2007.

Rodionov M. Wādī Ḥaḍramawt as a landscape of death and burial. In: Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives. Ed. By Lloyd Weeks. BAR International Series 2107. 2010, p. 341–345 (Society for Arabian Studies Monographs No. 10. Series editors D. Kennet & St. J. Simpson).

Rodionov M. Contemporary tribal versions of local history in Ḥaḍramawt // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 40, 2011, p. 333–338.

Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon. 2011 (Beirutes texte und Studien 130).

А.А. Янковская

ПРИДВОРНЫЙ ЭТИКЕТ СУЛТАНАТА САМУДРА-ПАСАЙ В «ПУТЕШЕСТВИИ» ИБН БАТТУТЫ

«Путешествие» Ибн Баттуты является ценным источником по средневековой истории ряда областей — Индии, Африки, Средней Азии. Тем или иным фрагментам сочинения посвящено немало работ, однако главы, описывающие Малайский архипелаг, представляются сравнительно малоизученными. Ибн Баттута — один из немногих средневековых арабских путешественников, претендующих на непосредственное знакомство с Юго-Восточной Азией. В 1345–1346 гг. он совершил путешествие из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-235-7/
© МАЭ РАН